

Ю.Н. Ерофеев, д.т.н., профессор

ШАГ ЗА ШАГОМ

Продолжение.

Начало см. в «Тив» №7—9, 11/2006 г.

5. Победа в борьбе с «ХОКами»

Есть звонки, которых ждут,

И не ждут которых, —

говорилося в одном стихотворении, хожившем среди разработчиков аппаратуры радиоэлектронной борьбы и в целом отражавшем условия их работы. Звонок, о котором пойдет речь ниже, не сулил ничего хорошего. Александра Алексеевича Зиничева, начальника сектора «сто восьмого», вызывали в Оборонный отдел ЦК. Единица, самая крупная в институте, в 1970-е гг. еще называлась «сектором»; сектор А.А. Зиничева в те годы был весьма внушительным.

Обычно в ЦК вызывали директора института или главного инженера, другим собеседование в этом высшем партийном органе было, вроде, и «не по чину». Зиничев набрал директорский номер. Кабинет Н.П. Емохонова, сооруженный в свое время еще для Г.М. Маленкова и не менявший с тех пор интерьер, как назло, был пуст. Главный инженер, им тогда был Ю.Н. Мажоров (о нем уже рассказывалось в предыдущем номере «Тив»), по словам секретарши Екатерины Михайловны, находился в Главке. Попытка явиться в оборонный отдел за спиной начальства не удалась. Пришлось ехать одному.

Разговор начал инструктор оборонного отдела Кочетков, мужчина степенный, из моряков, а вскоре подошел и подключился к разговору заведующий оборонным отделом Иван Дмитриевич Сербин. Присутствие Сербина придавало разговору тревожный оттенок: сколько «голов полегло под карающим топором» этого ЦКовского куратора! Сербина не боялся разве что только С.Д. Краштин [1], директор одного из серийных заводов в провинции. Когда начальник 5-го ГУ министерства В.Н. Липатов начал отчитывать Краштина, наливаясь

Лауреат Государственной премии СССР, д.т.н., профессор Александр Алексеевич Зиничев (1923 г.р.). После увольнения из «сто восьмого» работал ведущим научным сотрудником ВНИИРТ. В настоящее время, с 2002 г., на заслуженном отдыхе.

багровым гневом (другого тона он не признавал), тот отвечал ему: «Что ж, пойдем в ЦК, к Сербину. Там разберутся, кто нужнее и кто важнее...» За спиной Краштина стоял большой завод с гегеоном-пролетариатом и пятилетними планами производства.

Когда много лет спустя главным инженером «сто восьмого» после А.А. Зиничева назначили В.П. Заборова, С.Д. Краштин так прокомментировал это назначение: «Забор? Да какой там забор! Так, штакетничек...» Краштин имел собственное мнение обо всех — начиная от Сербина и кончая коллегами по работе.

«Крупнейший в ЦК высоковластный функционер Сербин, ... человек грубый и злобный, как дьявол», — характеризовал его В.В. Решетников [2].

Впрочем, думаю, что в данном случае место сделало человека. Возглавляя оборонный отдел ЦК, приходилось быть начеку всегда...

С Зиничевым пошел разговор о возможности создания эффективных помех современным радиолокационным станциям комплексов управления ракетным оружием. Александр Алексеевич рассказывал о помехах каналу селекции целей — многократных ответ-

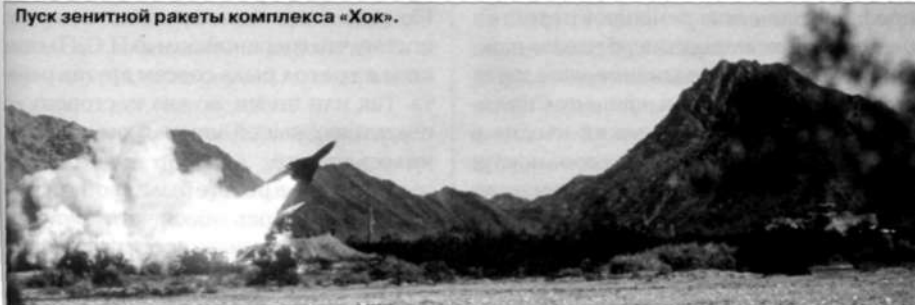
ных помехах, уводящих «по дальности» или «по скорости», доплеровских шумах, о помехах угломерному координатору радиолокатора — о выделении огибающей при коническом сканировании и о прицельной помехе на частоте огибающей, о «скользящей частоте сканирования» и о мерцающей помехе. Сербин с той же степенью эрудиции показывал, почему каждая помеха из этого набора может оказаться неэффективной. Зиничев перевел разговор на некоторые экзотические разновидности активных помех, вроде «двухчастотной», но Сербин резонно заметил, что все они пока «бумажные» и еще не ясно, можно ли будет организовать их на деле. Зиничев отвел глаза: не то ли самое говорил он недавно своим доморощенным энтузиастам?

«Вы, конечно, работаете, Но как-то... нецеленаправленно. Нецеленаправленно! — повторил Сербин, подчеркивая точность найденного слова. — Вам ведь хорошо известны объекты подавления в районе боевых действий на Ближнем Востоке. Так неужели вы не найдете, что можно противопоставить им? Надеюсь, наш следующий разговор будет более продуктивен».

Еще бы не знать эти «объекты подавления!» Авиация быстро приспосабливается к меняющейся боевой обстановке. Ее командиры быстро раскусили опасность зенитных ракетных комплексов высотного действия. Там, на большой высоте, на фоне контрастного пустынного неба, один на один с ракетой шансов уцелеть у самолета почти не остается. Летать стали на малых высотах, надеясь ускользнуть от ока радиолокатора, затеряться на фоне отражений от возвышенностей, горных кряжей и прочих «местных предметов». Вот тут и появились у Израиля зенитные ракетные комплексы «Хок» американского производства. Они одинаково эффективно сбивали как средневысотные, так и маловысотные цели. Диапазон высот целей — от 15 м до 18 км. Вероятность поражения цели ракетой — около 0,85—0,9. Если на пути самолета стоял еще один комплекс «Хок», вероятность уцелеть практически сводилась к нулю. Радиолокатор этого ЗРК с непрерывным излучением зондирующего сигнала обладал высокой помехозащищенностью не только из-за узкополосности следящих фильтров, что характерно для всех радиолокационных систем с непрерывным излучением, но и из-за специально организованной проверки сигнала на когерентность. Вот эти «Хоки» и были закуплены Израилем для защиты от авиации арабов.

Вернувшись в «сто восьмой», Зиничев, как положено, доложил о получен-

Пуск зенитной ракеты комплекса «Хок».

Лауреат Государственной премии СССР, к. т. н. Евгений Сергеевич Качанов (1938 г.р.), ныне директор ФГУП «КНИРТИ».

Министр радиопромышленности СССР Валерий Дмитриевич Калмыков (1908—1974).

Заместитель министра радиопромышленности СССР Петр Степанович Плешаков (1922—1987).

ной «взбучке» Ю.Н. Мажорову. Задумались: что предложить? Когда попахивало «жареным», высшие государственные и военные чины обращались в «сто восьмой»: думайте! Сама постановка вопроса не была неожиданной. Но борьба радиолокационной и противорадиолокационной техники всегда идет с переменным успехом, и на этом этапе возможностей подавить «Хок» просматривалось совсем немного. По пальцам перебирали все, что имело шансы на успех. Часто говорят: новое — это хорошо забытое старое. Покопайтесь, мол, в старых архивах — и найдете все то, что нужно. На деле не совсем так. Хорошо забытое старое окажется в иных, не похожих на прежние, условиях, а это, если речь идет об аппаратуре, повлияет и на ее возможности, и на условия функционирования. Вот и в данной ситуации в борьбе с «Хоками» первоначальным объектом подавления надо было считать головку самонаведения ракеты — миниатюрный радиолокатор, расположенный в ее головной части. Ракеты «Хока» имели малый поперечник, в них нельзя разместить антенну с большой апертурой, следовательно, надо ожидать, что апертура антенны невелика, а у антенны с малой апертурой обычно бывает повышенный уровень боковых лепестков, по которым тоже возможен прием. А что если...

Когда на следующее утро Зиничев и Мажоров сверили свои предложения, они расхохотались: совпадение было полным, будто в двух блокнотах чертил один человек. «Нового» в «хорошо забытом старом» хватало на полноценное изобретение.

В пожарном порядке начали проверять задуманное. Из имевшихся в наличии СВЧ-блоков, благо их в «сто восьмом» хватало, составили действующий макет помеховой аппаратуры. Достали головку самонаведения. «Хоковской» не было, пришлось работать по отечественному аналогу, но на данном этапе, при проверке эффекта воздействия, он годился. Первые же опыты доказали: все идет, как задумано, помеха действует!

Теперь требовалось срочно готовить экспериментальные образцы, их надо было делать с таким условием: боевое

применение этих образцов в данной обстановке полностью не исключалось. Неожиданно заупрямилась заказывающая служба ВВС: мол, на ближайшую перспективу все занято, расписано, свободных денег нет. Вероятнее всего, представители ВВС просто не верили в успех. А если успеха не будет?

Выручили «сухопутчики»: если сможете спроектировать автомобильный вариант, затраты осядут. Начинайте.

«Железо» делали в нашем калужском филиале. Сейчас этот филиал оперился, стал самостоятельным научно-исследовательским учреждением оборонного профиля и нередко соперничает с «альма-матер»: выигрывает разные тендеры и конкурсы по проведению НИР и ОКР оборонного характера. Работа проводилась в обстановке строгой секретности, о предназначении аппаратуры знали единицы — узкий круг действовавших инженеров. Грамотно использовались «легенды прикрытия». Выпускать аппаратуру без лишней огласки в «сто восьмом» тогда умели.

Общее руководство работами по изготовлению и испытаниям экспериментальных образцов осуществлял главный инженер филиала А.С. Русаков [3]. Первым главным конструктором помеховой аппаратуры был назначен А.А. Зиничев. Ведущими подразделениями филиала, на которые легла вся тяжесть этой «оперативной ОКР», стали отдел филиала, возглавляемый П.С. Бачковским, и лаборатория Е.С. Качанова. Работа была завершена примерно за 8 месяцев, и в конце 1970 г. первый опытный образец отправили на место боевых действий — в Египет.

«Через некоторое время, — писал С. Случевский [3], — потребовались оказание технической помощи военным при обучении персонала, проведение профилактических ремонтов изделия и решение некоторых оперативно-тактических задач. Выполнение этих задач было поручено мне как офицеру Советской Армии». (С. Случевский входил в так называемую «тысячу» военнослужащих Советской Армии, прикомандированных для практической работы к Министерству радиопромышленности СССР.) Быстро оформили загранпас-

порт, заказали авиабилет до Каира. «При снижении на подлете к Каиру на фоне пустыни отчетливо была видна военная техника и ее передвижение. Я тогда подумал: ну и война у них тут, скорее, охота на зайцев с автомобиля». Так в феврале 1971 г. С. Случевский оказался в Египте.

К появлению подобных средств радиоэлектронной борьбы в зоне действия ЗРК «Хок» израильские военные и их американские покровители оказались совершенно неподготовленными.

Только спустя много лет из публикаций в газете «Совершенно секретно» и в журнале «Огонек» [4] мы, к своему огорчению, узнали, что в нашем руководящем «штабе», в Министерстве радиопромышленности СССР, действовал агент зарубежных спецслужб. Он приходился родственником министру В.Д. Калмыкову, был зачислен «дядей Валерой» в министерскую службу зарубежных связей, ну и контактировал там с теми, кто ему был нужен. Но ни этот агент, ни какой-либо другой про оперативную работу «сто восьмого» и его филиала не смог сообщить, надо понимать, ни слова. Не знал про эту работу и сам министр Валерий Дмитриевич Калмыков [5]. Не потому, конечно, что ему не доверяли. Даже в период появления «разоблачительных» статей В.Д. Калмыков не лишился поста министра. Тогда досталось многим: и начальнику ГРУ И. Серову, и зам. председателя КГБ Л. Панкратову, и маршалу С. Варенцову [6]. А вот В.Д. Калмыков в 1974 г. умер министром радиопромышленности СССР: видимо, его заслуги перед государством перевешивали его прегрешения.

Знал о проведении оперативной ОКР Петр Степанович Плешаков, наш бывший директор, в те годы — заместитель министра радиопромышленности. Но знал лишь в самых общих чертах, потому что головной болью П.С. Плешакова в тот год была совсем другая работа. Так или иначе, но «на ту сторону» о подготовке нашей аппаратуры не просочилось ничего.

Конечно, в работе были свои трудности. Требовалось обеспечить нужную диаграмму направленности приемной и передающей антенн, выбрать наиболее

выгодный вид модуляции, поднять мощность выходного блока. Но это были уже вопросы технические, на которых специалисты «сто восьмого» и его филиала, что называется, «собаку съели». Быстро изготовили и проверили две установки: одну направили в Египет, в район Каира, другую — в район действий смешанного арабского контингента. Но к этому времени египетский лидер Анвар Садат надумал сменить свою политическую ориентацию, и та установка, которая ушла в Каир, в деле практически не побывала. Более того, потребовалось немало усилий, чтобы вернуть ее обратно. Египетские военные точно не знали, что там, внутри ящиков, но рассуждали просто: поставлялось все это для нас — значит, это наше имущество. Потребовались настойчивость и пробивная сила, чтобы эти ящики вернуть. Офицер воронежского Центра боевого применения, ответственный за возврат груза, схитрил: он заблаговременно снял с автомашины блоки аппаратуры и, упаковав их, погрузил, как ящики с фруктами, в рейсовый морской лайнер. Потом предъявили для осмотра автомашину. Так как никакой «начинки» в ней уже не было, оснований для задержания не нашлось. Не случись этого, изучали бы американские эксперты нашу аппаратуру «по живому», как изучали потом расплетинские зенитные ракетные комплексы, тоже оказавшиеся в Египте [7], по документации, с еще стоявшим на ней грифом «Совершенно секретно».

Война на Ближнем Востоке продолжалась. Вторая установка с изданием «Смалта» оказалась на сирийском фронте, в долине Бекаа, в районе действий смешанного арабского контингента. Все, о чем пойдет речь дальше, — это только об истории упомянутой второй установки.

У поселка Эль-Кунейтра... Наименование этого поселка привела в своей автобиографической книге «Моя жизнь» Годда Меир [8], премьер-министр Израиля во время той «шестидневной» войны, передавая высказывание американского государственного секретаря Генри Киссинджера: «Как-то он сказал мне, что года два назад он и слыхом не слыхивал о таком месте — Кунейтра. Но теперь, когда он принял участие в переговорах о размежевании сирийских и израильских войск, во всем районе не было дороги, дома, даже дерева, о которых бы он не знал все, что нужно».

Так вот, у поселка Эль-Кунейтра, в горной цепи, прореха, вход в долину. Лучший путь для самолетов, задумавших пройти в долину на малой высоте. Тут, конечно, поставлен ЗРК «Хок», охраняющий эту уязвимую точку. Кило-

метрах в тридцати — еще один такой же комплекс. Шансов пройти это «горло» у арабских самолетов практически не оставалось. Арабские эскадрильи (экипажи арабские, а самолеты-то наши, советского производства) расстреливались, как на полигоне. Лететь в это горло означало идти на смерть.

Автомобиль с помеховой аппаратурой загнали на одну из высот. Запустили блок питания, расположенный на автомобильном прицепе, выполнили все подготовительные работы.

Первый блин комом, как и полагается. После включения помехи пущенная комплексом «Хок» ракета сошла с намеченной траектории и непредсказуемо замоталась. «Действует, действует!» — подмигивали друг другу операторы. Но в том и особенность «непредсказуемых» движений, что их направление нельзя предугадать. После нескольких смен направления ракета устремилась в сторону самолета. Панический сигнал летчика: «Идет на меня!» Операторы помеховой аппаратуры зажмурились: еще секунда, и... Но ракета снова изменила движение, клюнула носом в землю и взорвалась.

А дальше пошло как по маслу: пущенная американским ЗРК ракета закручивалась, сходила с траектории и либо ударялась о горные выступы, либо подрывалась при достижении предельной дальности. Эскадрилья за эскадрилей проходили арабские самолеты в созданный помеховым излучением коридор, пронося свой смертоносный груз. Ракеты хвального «Хока» не достигали целей.

А вот встречные полеты израильских самолетов по тому же коридору не получались: их поджидали ракеты нашего нового маловысотного комплекса, недавно предусмотрительно поставленного на линии огня. Он работал в отсутствие организованных помех, и у него все получалось на славу. Всего было сбито около сотни «Фантомов» (кажется, израильская сторона такие высокие потери не подтверждает до настоящего времени). Впрочем, вот такое печатное высказывание: израильская авиация понесла огромные потери. За 18 дней войны — 109 самолетов! «Если пропорцию израильских потерь экстраполировать в масштабе воображаемой войны между США и странами Варшавского Договора в Европе, — пишет Рич, — войны с использованием аналогичных самолетов, с аналогичной подготовкой летчиков и аналогичным уровнем незначительной обороны, наши воздушные силы могли быть уничтожены уже за 17 дней» [9].

Был день, когда почти одновременно «сняли» около десятка «Фантомов». В небе пестрели парашюты катапульти-

рующихся израильских летчиков. Сирийская пехота, увидев обилие парашютных куполов, приняла это за десант «командос» и отступила на заранее подготовленные позиции. Лишь потом удалось разобраться, в чем дело.

В такую высокую эффективность нового оружия — средств радиоэлектронной борьбы — поверили не сразу. Причем противник существование операции разгадал все-таки первым. При этом версии о причинах происходящего менялись одна за другой. Специалисты, расследовавшие операцию, сначала грешили на неправильные действия израильских расчетов зенитных комплексов. Поменяли обслуживающий персонал на американских специалистов. В расчете — опытные американские сержанты, а результат тот же самый. Вторая версия — какая-то неисправность в системе управления. Срочно сменили блоки ЗРК «Хок», а результат тот же. И лишь потом заподозрили наличие какого-то «внешнего излучения». Организованной помехи, то есть.

Командиры ВВС наших союзников сомневались дольше. Один из них даже пошел на опасный эксперимент: послал самолеты в обход, в сектор, не прикрытый помеховым излучением. Надо ли говорить, что на этом участке «Хоки» сработали безукоризненно и ни один из этих самолетов не вернулся.

Крохотная группа наших специалистов, находившаяся при установке, не успевала встречать гостей. Приезжали поздравить с успехом арабские военачальники и благодарные за спасение их жизни вернувшиеся из полета летчики. Впрочем, операция длилась считанные дни. Израильская пехота заняла все высоты, в том числе и ту, на которой недавно стоял автомобиль с помеховой аппаратурой. Военный транспортный самолет с автомобилем и группой специалистов, обслуживающих источник «внешнего излучения», исчез так же неожиданно, как и появился.

За время операции в секторе, прикрытом помеховым излучением, было совершено 250 (да-да, так много!) самолето-вылетов. Вполне достаточно, чтобы получить достоверные статистические данные. 57 раз комплексы «Хок» осуществляли по этим самолетам пуски ракет. Попаданий не было. Не отмечено и случаев, когда ракета пошла бы на источник помехового излучения. Единоборство с «Хоками» было выиграно, что отразилось на исходе этой короткой войны в целом. Американская пресса отмечала, что русские помехи превратили ЗРК «Хок» в детскую хлопушку [10]. Газета «Таймс» по горячим следам событий писала в 1973 г.: «Hurge net takih pa-

кетных комплексов, ни в Израиле, ни в США, какие имеет Советский Союз. Американский комплекс «Хок» легко обнаруживает низколетящие цели, но его ракета уводится активными помехами».

В 1997 г. появилась публикация, в которой приведено сообщение Валерия Скобанева, офицера Центра «Спецназ» в Египте [11]: «В апреле 1970 г. в Египет была доставлена сверхсекретная аппаратура радиоэлектронной борьбы, имевшая шифр «Смальта». Эта система еще не находилась на вооружении, мы получили экспериментальный образец. В это время израильтяне получили от американцев новейшие зенитные ракетные комплексы ПВО «Хок» — в какой-то мере аналог наших С-125». Что можно сказать об этих словах В. Скобанева? В принципе, задача любого ЗРК примерно одинакова: обнаружить и поразить цель, находящуюся в секторе ответственности. В этом смысле и «Хок», и С-125, и ЗРК других типов можно считать аналогичными. А при сравнении по типу используемого зондирующего сигнала, по его обработке в тракте радиолокатора комплекса, аналогии и не усмотришь.

«Смальта», — продолжает В. Скобанев, — предназначалась для подавления «Хоков», она, в принципе, позволяла не только «забивать» помехами американские локаторы, но и перехватывать управление и уводить от цели зенитные ракеты». Внешне действие помехи выглядело действительно так.

В этой публикации говорилось: «Египетская компания доказала, что средствами радиоэлектронной борьбы, подобными «Смальте», и самолетами уровня МиГ-23 наши противники не располагают. В результате боевого применения экспериментальной «Смальты» были «пробиты» коридоры в израильской системе ПВО, по которым проходила арабская авиация. Израильской оппозицией были предъявлены серьезные претензии Голде Меир за закупку дорогостоящего, оказавшегося неэффективным оружия. Это обстоятельство послужило одной из причин ее отставки.

Впоследствии система «Смальта» была поставлена на вертолеты и находилась на боевом дежурстве, в том числе и в Европе, там, где развертывался «Хок».

Что было дальше? Голда Меир действительно ушла в отставку с поста премьер-министра. Причины этого в печати широко не обсуждались, однако мотив, указанный в материале Валерия Скобанева, все-таки просочился.

Мы место Голды Меир проворонили, А там на четверть бывший наш напарог, —

распевал В.С. Высоцкий об этих событиях международной политики.

Министр радиопромышленности СССР В.Д. Калмыков, ранее сетовавший при встречах с руководителями «сто восьмого»: «Единственное, что вы действительно хорошо умеете делать, — это создавать помехи работе министерства!», — теперь при встрече с руководителями главка, института и его калужского филиала улыбался, поздравляя с удачей.

В списке закрытых работ, выдвинутых в 1976 г. на соискание Государственной премии СССР в области науки и техники, оказалась и эта оперативная работа «сто восьмого» и его филиала. Члены спец. секции №3 Комитета по Государственным премиям проявили на этот раз редкостное единодушие, результаты тайного голосования были положительными. В 1977 г., когда серийные поставки изделия «Смальта» уже начались, лауреатом Государственной премии СССР стал Александр Алексеевич Зиничев, к тому времени ставший главным инженером «сто восьмого». Звания лауреатов Государственной премии была удостоена и целая группа сотрудников калужского филиала, обеспечивавших выполнение заказа: А.С. Русаков, Е.С. Качанов, А.В. Козьмин, П.С. Бачковский, А.Г. Гальченко [7].

«За успешную организацию боевого применения средств РЭП», и, в частности, станции помех «Смальта», «руководители авиационного отряда полковники Малахов А.Т. и Зарубин В.Ф. были награждены орденом Красной Звезды» [12].

Приведу отрывок из сохранившейся служебной характеристики директора «сто восьмого» Ю.Н. Мажорова, подготовленной для его представления к очередному воинскому званию генерал-лейтенанта и подписанной начальником 5-го Главного Управления Министерства радиопромышленности СССР И.А. Есиковым и секретарем Бауманского РК КПСС А.Н. Худорожковой в декабре 1975 г. Вот его текст: «...является автором нового эффективного способа радиопроотиводействия, реализованного в станции «Смальта», работа которой получила высокую оценку со стороны Министерства обороны». Правда, представление это не вышло за пределы Министерства радиопромышленности; новый министр П.С. Плешаков пристально следил за продвижением своих подчиненных и до ему одному ведомого момента хода таким представлениям не давал.

Прибывшая с боевых позиций Ближнего Востока аппаратура ушла на наши дальние полигоны — работать с

отечественными комплексами в направлении повышения их помехозащищенности. Поначалу эффект был таким же, как и при работе по «Хокам». Ракеты также «сходили с траектории», закручивались, а одна из-за больших перегрузок при резких поворотах даже разломилась пополам. Как-то главный конструктор ЗРК, присоединившись к сидящим за столом специалистам «сто восьмого», сказал: «Вот ведь фитюлька какая! (Имелась в виду аппаратура «Смальта». — Ю.Е.) А превратила в груды металла такое произведение искусства! Ладно, будем думать, а сейчас хоть накормите меня!»

На этом этапе задача была иной: надо найти противоядие от такого рода помех — на случай, если у наших вероятных противников появится что-нибудь подобное.

А что делалось в самом «сто восьмом»?

В кабинете главного инженера «сто восьмого» А.А. Зиничева сидел высокий гость — Главком ВВС Герой Советского Союза маршал авиации Павел Степанович Кутахов. Мирно начавшийся разговор быстро накалялся: спорили-то не по пустякам, а по вопросам принципиального характера — о путях дальнейшего развития средств радиоэлектронной борьбы в авиации.

— Должно быть так: новый самолет — новая радиоавионика, новая система радиоэлектронной защиты, — настаивал Кутахов.

— Тогда никаких сил не только «сто восьмого», но и отрасли в целом не хватит, — возражал Зиничев. — Сколько у нас главных конструкторов самолетов, сколько идет новых разработок! Мы создали систему базовых конструкций, унифицированных блоков аппаратуры, серии литеров станций — по диапазонам несущих частот. Это позволяет повысить серийность блоков, а следовательно, снизить стоимость изделий. Наша аппаратура в производстве дешевле американской, и только это позволяет нам обеспечивать нашу армию техникой радиоэлектронной борьбы.

Кутахов настаивал на своем. Он ведь и приехал сюда для того, чтобы повлиять на этих строптивых представителей промышленности. Зиничев не отступал от своей линии: он отстаивал не личную позицию, а мнение головного НИИ, а значит, и отрасли в целом.

Кутахов разочарованно поднялся. У него, правда, был в запасе еще один рычаг воздействия на главного инженера «сто восьмого». Зиничев носил погоны авиационного полковника. Он закончил Военно-воздушную инженерную академию им. проф. Н.Е. Жуковс-

Игорь Вячеславович Илларионов (1913 г.р.), помощник Д.Ф. Устинова, в те годы — генерал-лейтенант.

кого, потом — превратности судьбы! — засиделся в капитанах, но к этому времени уже наверстывал упущенное.

— Этих двух полковников, — для большей определенности Кутахов указал сопровождавшему его генералу на хозяина кабинета и на присутствовавшего при разговоре начальника сектора (отделения института), ведущего авиационную тематику, преемника Зиничева на его прежнем посту, — этих двух полковников из армии надо уволить.

Уволить ни с того ни с сего было нельзя. Нужен был хоть какой-то повод. Одно из предприятий Министерства радиопромышленности задолжало Военно-воздушным силам поставку радиоприцелов на большую по тем временам сумму.

— Надо принимать организационные меры! — сказал Кутахов министру П.С. Плешакову.

Но тот только-только сменил руководство провинившегося предприятия:

— Не каждый же месяц повторять такие «организационные мероприятия»!

— Тогда Зиничева! — подсказал Кутахов.

В то время в области авиации такими вопросами «занимались три Степаныча» (Павел Степанович Кутахов, Главком ВВС, Иван Степанович Силаев, министр авиационной промышленности и Петр Степанович Плешаков, министр радиопромышленности) [13].

Нас тогда «уважали». Недаром в офисе авиабазы (Хэнском, штат Массачусетс) генерал-лейтенанта Джеймса В. Статсберри, командующего дивизионом электронных систем стратегических воздушных сил США, на стене висел портрет П.С. Плешакова: «*Это че-*

Маршал Дмитрий Федорович Устинов (1908—1984), министр обороны СССР, в рабочем кабинете.

ловец, с которым я должен сражаться. Ежедневное лицемерие его напоминает мне о том, что свои приоритеты надо держать в порядке» [14].

Ввиду частых личных контактов Плешаков и Кутахов были хорошо знакомы. Ну как отказать хорошему знакомому? Плешаков устало кивнул.

Хотя Зиничев не имел никакого отношения к поставке радиоприцелов, дело было сделано. В те годы уход из армии означал и оставление своего поста в структуре предприятия.

Потом оказалось, что это не просто смена руководства. «Сто восьмой» вошел в новую полосу своей деятельности, и она оказалась далеко не светлой.

Ю.Н. Мажоров, который статью прочитал еще в рукописи, заметил мне:

— Историю с Кутаховым Вы тут излагаете только на последнем, заключительном этапе. На самом деле у нее более длинные корни. У нас в институте была организована выставка, на которую в числе других приехал и Павел Степанович. На выставке демонстрировалась и «Смальта». На фуршете Кутахов попросил рассказать о принципе действия этой аппаратуры, так хорошо проявившей себя на Ближнем Востоке. Рассказ об этой разработке я поручил Зиничеву, участнику работы, первому главному конструктору аппаратуры. Просьба застала Зиничева врасплох: он что-то доедал, дожевывал, судорожно отряхивал пальцы и пытался их вытереть. То есть глазами начальство не поехал и к рассказу приступил не сразу. Кутахову это не понравилось. Приехав к себе, он написал докладную записку Устинову: мол, главный инженер «сто восьмого» полковник А.А. Зиничев не умеет себя вести в присутствии старших по званию — и описал его поведение на фуршете. Объяснял это возрастом Зиничева: недаром, мол, установлен воинскими уставами предельный срок пребывания на должностях, у Зиничева этот срок истек, и он, Кутахов, просит у Устинова разрешения откомандировать Зиничева в распоряжение Управления кадров ВВС для последующего увольнения.

Узнав об этом, я поехал к Плешакову с просьбой позвонить Устинову: не торопиться с освобождением Зиничева, пока у него и голова, и руки — все на месте. Плешаков сказал, что по этому поводу звонить Устинову он не будет: к вопросам государственной важности это не относится.

Я спросил: — А если я к Устинову выйду я сам?

— Что ж, попробуй, если у тебя это получится.

Я приехал, сижу в приемной Дмитрия Федоровича. Его помощник, Илла-

рионов, спрашивает, какое дело меня привело. Я рассказал ему о письме Кутахова, о том, что Зиничева освободить еще рано.

Он отошел, через минуту возвращается с листом бумаги:

— Дмитрий Федорович очень занят. То, что ты мне говорил, изложи письменно. Дмитрий Федорович рассмотрит и примет решение.

Я изложил. Решение Устинова было в пользу Зиничева.

Но Кутахов через некоторое время сделал еще один заход. На этот раз руками генерала, начальника Управления кадров ВВС. Тот по чисто формальному поводу — в связи с достижением Зиничевым возраста, в котором следует освобождать его от должности главного инженера оборонного НИИ, — просил разрешения Устинова откомандировать его в распоряжение Управления кадров ВВС.

Я еще раз поехал к Плешакову:

— Сможете ли помочь?

Тот ответил: — Нет. По этому вопросу надоедать Дмитрию Федоровичу не буду.

Я тоже не мог обращаться к Устинову второй раз...

История со «Смальтой» постепенно тускнела в дымке проходящих лет. А это был, возможно, последний успех в противостоянии — успех, видимый невооруженным глазом.

Продолжение следует

Литература

1. Лобунец Л. Директор. — «Луч», 9 июня 1994 г.
2. Решетников В.В. Что было — то было. — М.: Автор, 1996.
3. Случевский С. Протва и Ближний Восток. — Жуковский вестник, №114, 27 сентября 1997 г.
4. Шале М., Вольтон Т. КГБ и другие пришельцы из тьмы. — Огонек, №17, 1993 г.
5. Первов М. «Сто восьмой» раскрывает тайны. Интервью с А.Н. Шулуновым. — Правда, №120, 5 ноября 1995 г.
6. Шекстер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. Кн1. — М.: Международные отношения, 1993 г.
7. Докучаев А. «Фантомы» плакали огненными слезами. — Комсомольская правда, №96, 27 мая 1993 г.
8. Голда Меир. Моя жизнь. — Чимкент, МП «Аурика», 1997.
9. Суальнин О. Пророк в чужом отечестве, или как бы жилось Америке без русских мозгов. — Газета «Новое русское слово», 5 июня 1998 г.
10. Мажоров Ю.Н., Перунов Ю.Н. Электронный щит. — Радиопромышленность, №1—2, 1995 г.
11. Горянов С. В 1970 году СССР в Египте испытывал сверхсекретную аппаратуру. — Неделя, №43, 1997 г.
12. К 100-летию радиоэлектронной борьбы. Основные этапы развития: 1904—2004 г. — Воронеж, 2004 г.
13. Коблов В. О стиле министра. — В сб. «Радиопромышленность», спец. вып. К 80-летию со дня рождения министра радиопромышленности СССР Петра Степановича Плешакова, 2002 г.
14. Electronics, vol. 54, №13, 1981.